

FUNCTIONING OF DERIVATIVES OF WORD-FORMATION CATEGORIES "SUBJECTIVE EVALUATION"

Shevtsova Olga Vladimirovna*

*Associate Professor,
UzSWLU, Tashkent, UZBEKISTAN

Email id: shevtsova@mail.ru

DOI: 10.5958/2249-7137.2022.00009.X

ABSTRACT

The article examines the functioning of a derivative word with the meaning "quantity" in the text or microtext, which reflects different sides and aspects of the organization of the semantics of the derivative.

KEYWORDS: *Actualization Of Semes, Binary "Word-Formation" Agreement Of Names, Qualification Assessment, Quantitative Assessment, Quantifier, Quantitative Semes, Quantitative Shift, Indirect Motivation, Lexicalization, Lexical Meaning, Inter-Speech Category, Microcontext, Microtext.*

INTRODUCTION

The functioning of derivatives with the meaning of "subjective assessment", starting with the works of A.A. Potebnya, was considered many times, including E.A. Zemskoy, V.N. Vinogradova, V.V. Lopatin. Nevertheless, the pragmatic use of this inter-speech category in colloquial speech, periodicals, and fiction is so diverse that there is reason to consider some aspects of the functioning of "diminutive" and "augmentation" nouns, adjectives, adverbs, etc. First of all, it is necessary to note the effect of "expansion" of the word-formation category due to the connection of non-standard generating bases, for example: *Они работали по хозяйству на посылушках, и краску тёрли, и крыши красили (В.Гиляровский); Сегоднячко (TV show title); кукурлик-зверик (from the TV show).* [1]

In the last example, the need to give a name to a small toy of an indefinite type also causes the formation of an animal (in the "Word Formation Dictionary" *зверёк, зверок, зверюшка, зверушка* – т. I, 151), and the emergence of a derivative from a non-existent really producing basis.

Literature review and methodology

The word-formation category of subjective assessment is, as it were, projected in certain cases, for example, when communicating with young children, onto verbs, for example: *подрастунюшки, потягунюшки, роток говорюнюшки, руки хватунюшки, ноги ходунюшки; Потягуни-потягушечки от носочков до макушечки; Давай кушаньки-кушунюшки.*

Thus, to a certain extent, the derivational and grammatical contrast of names and verbs is overcome, since the formed form of clearly procedural semantics and in a predictive position resembles the nouns pluralia tantum.

Moreover, the number of deminutives from unimportant words is increasing: спасибочки, спасибошце; Я ничегошеньки не знаю (РР); Обычная лестничная клетка, в подвал – нетушки, подвалы мне решительно перестали нравиться (И.Хмелевская); Я только-только пришла (РР); А кому в город ехать? Мне, чтоличко? (А.Алдан-Семёнов).

The pragmatic attitudes of such formations are extremely diverse: it is the expression of affection towards the interlocutor, and the expression of irony, and the expression of a categorical refusal, sometimes it is simply the realization of the desire for an expressive, non-standard form of expression. It is noteworthy that in order to fulfill, the implementation of these attitudes required the expansion of the word-formation category, which is already rich in the part of speech composition. Deminutives-nouns are often used with adjectives-quantifiers small, small, tiny, etc., and in some cases such combinations emphasize the real dimension, the separation from the class of homogeneous objects of the type "below the norm". [2]

More often, in this way, the dimension of inanimate objects or animals is emphasized, for example: Старичок с деревянной ногой вносит маленький самоварчик из красной меди (А.П.Чехов); С орнаментом, толстенное кольцо на левой руке выглядело как маленькая мембранка у глухонемых (И.Хмелевская); Птичка сама по себе махонькая, так с рябчонка, а ноги во-о какие, а нос во какой! (В.Гиляровский).

It is significant that in the last two examples, the scale of determining the size (and its assessment) is, as it were, established through other denotations, objects of other classes (толстенное кольцо, рябчонок, ноги, нос в сочетании со своеобразными местоимёнными квантификаторами). However, much more often, even in relation to inanimate objects, the designation of real dimension is combined with additional connotations (metaphors, personifications, etc.) that serve to create an artistic image, for example: Маленькая крытая платформочка, задавленная окружающим лесом и ежеминутно пугаемая гроыхающими поездами, робко прижималась к земле ... Сейчас поезд унесёт меня отсюда, и навеки исчезнет для меня эта низенькая и тёмная платформочка, и только в воспоминаниях увижу я милую девушку (Л.Андреев).

The importance of a small size is also emphasized by the deminutive низенькая, but not the size designation is the author's pragmatic attitude: in relation to the platform, definitions are used задавленная, пугаемая, that is, in essence, the state of mind of the hero is described. In relation to persons, combination with an adjective маленький can also mean short stature, for example, in a child: Маленький человечек благосклонно смотрел на вороного жеребца (И.А.Бунин). (A similar effect of "pure dimensionality" can be achieved by using a deminutive next to its producer, for example: Вся мебель – красного дерева с бронзой ... стол красного дерева с разными ящичками и ящичками (В.Гиляровский)). [3]

However, much more often quantitative assessment is combined with qualifying, negative or (less often) positive, for example: Этим благодетелем оказался маленький пузатый гимназистик (А.П.Чехов); Александр Иванович указал на маленького, сгорбленного старичка. (А.П.Чехов); В приёмную входит маленькая ..., как бы злым роком приплюснутая, старушонка (А.П.Чехов); Оля – маленькая, стройная, хорошенькая блондиночка лет девятнадцати (А.П.Чехов); Высокий и тощий Везувиев расписывался, а Черносвитский, маленький, рябенький человечек, дождался своей очереди (А.П.Чехов); Там за письменным столом сидела его жена Ольга Алексеевна, маленькая блондиночка, с

папильотками в волосах (А.П.Чехов); Она – маленькое, хорошенькое созданыще с леньными кудрями и быстрыми, лукавыми глазками, сидела рядом с ним ... (А.П.Чехов).

In relation to inanimate objects, for example, premises, the use of the word маленький usually a sign "below normal" in all respects: *Цирюльня маленькая, узенькая, поганенькая (А.П.Чехов).*

In relation to a person, an indication of growth less than the norm can be supported by very peculiar textual quantifiers: *По опушке леса крадёт маленький сутуловатый мужичонок, ростом в полтора аршина, в огромнейших серо-коричневых сапогах ... (А.П.Чехов).*

In addition to the direct ironic indication of growth, its inconsistency with the norm is emphasized by the adjective сутуловатый (the impression of a visual decrease in height) and in contrast with the size of the shoes, as a result of which a general impression is created not only of small stature, but of a general insignificance, unsightly appearance of a person. Thus, quantitative and qualifying evaluative semes often interact and merge. In this case, the impression of insignificance is further enhanced by the choice of the deminitive мужичонок, compelling comparison with an immature creature (мужичок, мужичонка). The effect of the transition of a sign of growth to a certain quality can be openly motivated by the microcontext, for example: *Сам Петров был низенького роста, немного сутулый, так что его принимали за горбатого ... , и когда они забывали его фамилию, то называли его просто "горбатенький" (Л.Андреев). [4]*

DISCUSSION

B.B. Lopatin considers the adjective small to have lost its subjective-evaluative expression due to lexicalization [see. Lopatin 1987, 152], however, in our opinion, traces of this expression have survived (*малый, невысокий*), and in the above combinations, we can state the similarity of the expressive-semantic agreement identified by A.A. Potebnua (*глупенькая головка, миленькая душечка, плохонький рассказец, слабенький ветерок, худенький старикашка*). The same can be said about the adjective pretty, which is partially separated from the stem хорош- (except for the short norm – *Он хорош собой*) and correlated semantically with the adjective красивый. In our opinion, in combinations *хорошенькая вдовушка, хорошенькое созданыще, хорошенькая брюнеточка (блондиночка)* expressive-semantic agreement is also observed, since the author has the opportunity to choose an adjective (*красивый, миловидный, привлекательный, прелестный*).

V.V. Lopatin rightly asserts that "derivational" agreement "is manifested more diversely than the usual morphological agreement for adjectives. This is not always the agreement of an adjective with the noun that it syntactically defines ... In contrast to the regular, obligatory agreement. .. this agreement (in derivational forms) is optional ... So, the combination голубенькое платьице as much as possible голубое платьице and голубенькое платье ... ударчик слабенький, but also удар слабенький, and ударчик слабый ... – combinations expressing the same content and differing only in the degree of expression. In general, this is a characteristic feature of the pragmatic sphere of language - the possibility of choice for the speaker: to use or not to use this or that means "[Lopatin 1987, 149-150]. [5]

However, the material examined by us shows that such coordination is much more often carried out than not, although speakers or writers do indeed have a choice: to combine "non-diminished forms", two deminitives to attract other means of expression.

So, for A.P. Chekhov, the usual combinations are маленький попик; маленький, седенький попик; маленький, толстенный человек; маленький, рыженький человек; маленький солдатик; маленькая кушеточка; маленькая повестушка; хорошенькая мордочка (about a woman); довольно-таки скверенькая струнка; наши пьяненькие глазки; человек в заячьей шубёнке.

Thus, there is not only a binary "word-formation" agreement of nouns and adjectives, but the building of whole consensual chains.

A characteristic feature of this author is the phenomenon of permeation of the entire micro-context by deminitive formations, for example: Пришёл доктор, Иван Адольфович, маленький человек, весь состоящий из очень большой лысины, глупых свиных глазок и круглого животика; Вокруг коричневой шеи старичка обвивалась хорошенькая ручка Гришиной невесты; Мы оглянулись и увидели маленького человека с менторской улыбочкой на губах; Маленькое, хорошенькое личико собралась заплакать. Глазки, бедные голубые глазки, усиленно мигали и подёргивались влагой. Губки сжимались от злости и досады. Such a "whipping up" of deminitives can be used with a twofold purpose: both to express the real dimension, and to express the attitude towards the described person. So, in the first of the above sentences, a caricatured small person is also indicated (against the background of a contrasting and hyperbolic description – весь состоящий из большой лысины ...), and negative psychological characteristics of the face (through a combination глупые свиные глазки). In the last of the above sentences, a purely expressive, positive, sympathetic, but not without a grain of irony, characteristic of the face prevails.

The same saturation of the text with deminitives, often along with other means of quantification, is characteristic of M. Zoshchenko, for example: Жених – вообще такой престарелый господинчик ... А рядом с ним – невеста. Такая, представьте себе, молоденькая девочка ... Такой, буквально, птенчик, лет, может девятнадцати. Глазёнки у неё напуганные, голосок дрожит ...; Такая белобрысенькая. Но такая удивительно миленькая душечка. Тоненькая, как мечта поэтов. It is the deminitives in combination with other quantifiers (престарелый, буквально, такая, удивительно) turn out to be both a means of conveying an expressive contrast in the age of the bride and groom in the first sentence, and a means of conveying an extreme degree of admiration for the heroine in the second, and this is not impeded by the formation of a deminitive белобрысенькая from the basis, which often expresses disapproval of appearance.

It should be emphasized that the choice of the mark of the assessment, even with the same or similar set of vocabulary, is completely situational, sometimes one word is enough for an assumed positive assessment to transform into a negative one, for example: На её щёчках заиграли красные пятнышки, глазки надулись, и по кошачьему личику потекли слёзы (А.П.Чехов). In this sentence, this word is the adjective кошачий, and comparing the human face with мордочкой animal reduces the characteristics of the appearance and character of a person. It is not uncommon to use one of the agreed deminitives in a figurative meaning, for example: Теперь он червячком глядит, убоженьким, а прежде что было! (А.П.Чехов); Мой

покойный папаша сильно угнетал одного маленького чиновничка (А.П.Чехов); А я – молчок, потому что маленький, серенький (А.П.Чехов); there is also a comparison of deminutives from completely different semantic fields, for example: А вот волосики всё равно что ворох сена на скудной землице! (И.Хмелевская). [6]

The shades expressed by combinations of deminutives are truly countless, for example, the following sentence expresses deep respect, despite the diminutive "form" of the denotation: – *Хлебушко чёрненький – труженику первое питание, – говорил Иван Филиппов (В.Гиляровский)*. However, in general, the evaluation "minus" in the use of deminutives prevails over the evaluation "plus", especially when formed from abstract nouns: *маленькая идейка, менторская улыбочка; хочется чего-то простенького, но с уваженьицем (periodically)*. Perhaps that is why the education and use of increasing formations (formally "negative" part of the assessment scale) is significantly inferior to the use of deminutives: negative assessment, and with a touch of irony, sarcasm, etc. can always be expressed through deminutives, for example: *Соль оригинала заменялась салъцем, и пьеса готова (В.Гиляровский)*.

Perhaps, of course, a more innocent use of this word-formation category, however, again with an excess of the semantic potential inherent in the word-formation meaning, for example: *Из старого одеяла, тряпок, парика и ночной рубахи мы изготовили куклу. Получилась просто куколка! (И.Хмелевская)*. If the previous sentence uses partial tones *соль – салъце* with the switching of figurative meanings (the essence is dirt), then in the second it seems that the productive and the derivative are compared. However, the derivative *куколка* does not symbolize a quantitative shift (we are talking about a doll of human height): thus, there is a kind of "transition of a small amount into quality". [7]

Deminutives can also become a kind of means of expressing self-irony, for example: *Я сдерживала характереи и мурлыкала медовым голоском (И.Хмелевская)*. And here nouns-deminutives express a clearly negative assessment (in this case, self-esteem), and the verb semantically correlates with them *мурлыкать* and adjective *медовый*. An interesting phenomenon is the substantiation of adjectives -deminutives; in colloquial speech, it is common as an expression of a benevolent attitude or expression of affection in generally accepted communication formulas: *новенький, новенькая, мой старшенький, младшенький*. However, with occasional substantiation, the assessment is usually negative, for example: – *А что с этим твоим ... бывшеньким? (И.Хмелевская); Пугливенький, получающий деньги за высокого парня, и пугливенький в "Мариотте" – прямо-таки разные люди (И.Хмелевская)*.

Deminutive adverbs can express a softened assessment of the action, in particular, this is very typical for the letters of A.P. Chekhov:

- *Ваша рецензия меня немножко удивила;*
- *Вы немножко ошиблись;*
- *Медицина моя подвигается помаленьку;*
- *Практика наклёвывается помаленьку;*
- *Наверное, потихоньку ты стала уже пописывать повести и романы...*

In the last example, the semantic agreement of the adverb is observed *потихоньку* and the verb softening mode of action *пописывать*.

However, the adverbs cited are quantifiers-deminutives; when forming deminutives from quality adverbs, an ironically negative assessment is more common, for example: *Сразу после завтрака исчезла поспешненько (И.Хмелевская); Вскоре загребли братию вместе с товаром, а на другой день они благополучненько цвели на свободе (И.Хмелевская); Поцеловав дочь ещё раз и сладенъко улыбнувшись бомонду, он строго нахмурил брови и круто повернулся (А.П.Чехов). [8]*

RESULT

In the last example, the effect of an ironically negative assessment is emphasized by the involvement of a deminutive adverb in the lexical contrast of the first part of the sentence, the adverbial turnover, with the second, main part: *поцеловав, сладенъко, улыбнувшись, бомонду / строго, нахмурил, круто*. It is not excluded, of course, and the effect of a positive assessment, expressed through a qualitative adverb-deminutive, for example: *Ем и слышу, как лес шумит и пташка кричит ... и так сладко и тоненько, словно дитё (А.П.Чехов)*.

The evaluation sign, "plus" or "minus", is formed in the adverb, as in other cases, based on the semantics of the producing word, but the elements of the microtext, which is built with the help of the deminutive, play a much larger role. Means of grading assessment can be adverbs of the second degree of diminutiveness or a combination of a deminutive with adverbs of degree, for example: *Я малёхонько. Малёхонько я, Маша (М.Зоценко); Платье очень миленько на ней сидит (РР)*.

Deminutive instants usually tend to the sphere of negative assessment, for example: *Для меня дорогонько (дороговатенько) (РР); Зайдите месяца так через два, через три ... долгонько (А.П.Чехов); Ой, тошнёнхонько! Зарезали меня, подлецы (М.Зоценко)*.

Nouns and adjectives of the "magnifying" part of the size-assessment scale can denote really size-quantitative relations, regardless of the assessment, or with a minimal evaluative connotation, for example: *Грудница, словно у слона (А.П.Чехов); Этакая бочища, пудов, может, на восемь. Вот такая бочища! (М.Зоценко); Такой большуший, толстый, розовый мальчуган! (А.Аверченко)*.

Usually in such cases the sign of the assessment is "plus", as if admiration for the dimension above the average norm; It is significant that in the last example there is agreement on the quantitative semantics of the adjective большуший and the noun мальчуган, and the noun is perceived as a magnifying one to мальчик only contextually. Semantically, the non-derivative adjective толстый agrees with them, and the element of positive assessment is explicated by the adjective розовый.

The combination of the name of the adjective большуший with a noun with an augmenting suffix can be purely evaluative, for example: *Из него со временем выработается большуший писателище (А.П.Чехов)*.

It is natural that real dimensional relationships are characteristic of derivative words formed from specific subject nouns and designations of persons of specific, not characterizing semantics. Abstract nouns, designations of persons by profession, mental properties, etc. in "magnifying form" suggest other types of value relationships. The combination itself большуший + увеличительное существительное is very rare. Linguistic means of a different kind are used as

quantifiers for magnification, for example: Теснотища там невероятная (периодика); Был конец августа, и по городу слонялись несметные толпища туристов (И.Хмелевская); Такая скучища, что и выразить тебе не могу! (А.П.Чехов); Стеганул ливень, такой дождина, что и светофор не виден, сплошь мгла (В.Черняк).

As you can see from the above examples, the meaning of magnification with a minus sign is underlined by quantitative-qualifying adjectives невероятные and несметные, whole syntactic constructions, a synonym ливень, a description of the consequences of the intensity of the phenomenon. It is noteworthy that the pronoun adjective такой it is used as an intensifier of both the diminutive and the magnifying parts of the scale.

As already noted, the expression of a positive assessment in terms of derivative words with the magnification value is not excluded, but more often such an assessment is negative, for example: Как взглянет на меня своими глазами, так меня и покоробит всего (А.П. Чехов); Голодуха загнала их к музе, а не что-либо другое (А.П. Чехов); Он большущий шарлатанище (РР); Он настоящий бандюган (РР); У него вот такой носяга (РР); Вот нахалюга! (РР).

Of course, in many cases it is the negative evaluative semantics already embedded in the derived word that dictates the possibility of forming a "magnifying" derivative from it, which only expressively emphasizes the value of the negative evaluation, but in many other cases the choice of the evaluation sign is situational. For example, the adjective здоровенный more often used as a negative evaluative (здоровенный дуб, здоровенный лоб, здоровенный кабан – everything in a figurative meaning), but in the following example, it clearly expresses a positive rating: Вообще в Вашей книге Вы такой здоровенный художник, такая силища, что Ваши даже самые крупные недостатки, которые зарезали бы другого художника, у Вас проходят незамеченными (А.П. Чехов).

Curious is the formation of a superlative degree from a suffixal adjective of the derivational category of subjective assessment, for example: Управляющий ..., здоровнейший парень с обрюзглым, испитым лицом ..., уже пьян (А.П. Чехов). However, such education is possible only from adjectives with the suffix -енн- and is absolutely excluded from adjectives in -ущ-/-ющ- (вреднющий, злющий, толстущий) the microtext assessment could be positive. Of course, the meaning of a negative assessment from negative evaluative adjectives (злой, вредный, грязный) is, as it were, predetermined.

It should be noted that adjectives in -енн- are formed from words that are more neutral in terms of evaluation (здоровый, толстый, тяжёлый, широкий), the suffix only quantitatively modifies the meaning of a certain feature, and the evaluation sign is formed in the context. The meaning of two degrees of assessment (злой – злющий, подлый – подлющий, хитрый – хитрющий) for the sender of the speech often turns out to be insufficient, then a third link is added: ужасно злющий, несказанно подлющий, страшно хитрющий.

In the grammatical system, the amplifying meaning of the superlative is comparable to this, for example: Вообще в её теле есть недостаток, который я считаю наиважнейшим, – это полное отсутствие женственности (А.П.Чехов); Костюм свеженький, прямо с иголки, из французского трико, самый наимоднейший, облакал его большое тело

(А.П.Чехов); *Но он ещё захотел непременно породниться с самой древнейшей аристократической фамилией, – у него мелькнула такая фантазия (М.Зоценко).*

As can be seen from the examples given, the means of amplification of an excellent degree can be synthetic (**наиважнейший**), analytical (**самый древнейший**) and complex, analytical-synthetic (**самый наимоднейший**). Apparently, the choice of these means is associated with the installation on a more polynomial than the degree of comparison, an evaluative scale, and not with stylistic flaws, as is sometimes considered.

Obviously, to a certain extent, this is comparable to the creation of additional divisions of the quantitative-evaluation scale in the opposite, "diminishing" direction: *Вы мне можете быть полезным одним малюсеньким ответиком на вопрос: как вы хотите у нас застраховаться (А. Аверченко); Носик, говорю, будто бы и мой, да дырочки в носике будто бы и не мои – махонькие очень дырочки (М. Зоценко); Вместе с коляской пред ним пролетели все его заветные мечты, которыми он любил угощать себя ..., сидя ... в своём тщедушном кабинетике (А.П. Чехов).*

In all three of the above examples, the effect of expressive-semantic agreement of nouns and adjectives is observed, however, the adjective *маленький* is replaced by its derivative - an adjective of the second degree of diminutive *малюсенький*, by combining it with a vernacular derivative *махонький* (in SI Ozhegov's "Dictionary ..." as "Совсем небольшой, маленький") with the adverb of the degree *very*, and - the most original solution - by the adjective *тщедушный* in a figurative sense.

CONCLUSION

Thus, both in relation to the degrees of comparison, and in relation to derivational derivatives, there is a tendency to increase the number of divisions of the quantitative-evaluation scale, to make this scale more flexible and differentiated.

REFERENCES:

1. Апресян ЮД. Lexical semantics. Synonymous language means. М.: Languages of Russian culture, 1995. 472 p.
2. Вол'ф ЕМ. Функциональная семантика оценки. М: Наука, 1985. 228 p.
3. Шведова НЮ. Грамматика современного русского литературного языка. М: Наука, 1970. 768 s.
4. Карашчук ПМ. Словообразование английского языка. М.: Наука, 1977. pp. 75-93.
5. Лопатин ВВ. Словообразовательные средства субъективно-оценочной прагматики высказывания и текста. Винogradovskie chteniya. Вып. XIV. М.: Наука, 1987.
6. Распопов И, Ломов АМ. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. 350p.
7. Телия ВН. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость. Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. 380p.
8. Уфимцева АА. Лексическая номинация (первичная нейтральная). Языковая номинация. Отв. ред. В.А. Серебrennikov. М.: Наука, 1977. 356p.